

The 5th International Conference on Samoyedology

21.-23.10.2014, Tietieden talo - Helsinki

Department of Finno-Ugrian Studies, University of Helsinki
Department of Folklore Studies, University of Helsinki
The Finno-Ugrian Society

ABSTRACTS / ТЕЗИСЫ

Alatalo, Jarmo	Phonotactic Anomaly of the Yeniseic Loanwords in Selkup	3
Behnke, Anja	Predicative possession in Southern Selkup	4
Добжанская, О. Э.	Музыкальный фольклор нганасан	6
Dudeck, Stephan	Forest Nenets in the Arkhangelsk region?	7
Gerland, Doris	The special status of the 3rd person possessor suffix in Samoyedic languages	8
Ильина, И. В.	Народно-медицинские традиции европейских ненцев и ижемских коми	10
Katzschmann, Michael	Zur Darstellung der Existenz bzw. des Vorhandenseins (Besitzens) in den nordsamojedischen Sprachen unter besonderer Berücksichtigung des Waldjurakischen	12
Kazakevich, Olga	The song of a New Selkup shaman in the context of Selkup traditional personal songs of the Rudolf collection: Text analysis	16
Khanina, Olesya & Shluinsky, Andrey	Morphological account of Enets intransitive verbs	17
Klumpp, Gerson	The numerals of “Abakanic”	20
Ковылин, С. В.	Об отрицании при вопросительных местоимениях и наречиях в южных диалектах селькупского языка	21
Laptander, Roza	Narratives from the Yuribei River about Sikhirtia	23
Локтионова, А. А.	Номинация берестяной утвари селькупов	24
Лярская, Е. В.	Была ли успешной политика перевод на оседлость на Ямале?	26
Niemi, Jarkko	The song of a New Selkup shaman in the context of Selkup traditional personal songs of the Rudolf collection: Metrical analysis	27
Lukin, Karina	Parallelism in Nenets epic poetry	28
Сайнакова, Н. В.	О распространении этнонима <i>šöšqur</i> в среднеобском диалектно-локальном ареале	29
Siegl, Florian	Discourse prominence of PX - some (Taimyrian) thoughts	30
Sundström, Olle	“Devils”, “spirits”, “gods” or “inhabitants of heaven”? On the technical terminology for <i>пуэ</i>” in Nganasan world view	31
Toulouze, Eva	In memoriam Yuri Vella	32
Vallikivi, Laur	Nenets language ideology: harmful words and vulnerable affections	33

PROJECT PRESENTATIONS / ПРОЕКТЫ

Andrey Filchenko & Florian Siegl	Digitizing the Dulzon Archive	34
Sven-Erik Soosaar	Online Nenets language tools for linguists and language learners	34

FILM / ФИЛМ

Yuri Vella's world, 58 min, 2003 (English subtitles)	34
--	----

PARTICIPANTS / УЧАСТНИКИ

35

Phonotactic Anomaly of the Yeniseic Loanwords in Selkup

Jarmo Alatalo
University of Helsinki

1957 Karl Bouda published a list of Samoyedic-Yeniseic lookalikes. When these comparisons have been treated later, as by Polyakov 1980 and Helimski 1982, they have generally been considered loans from Selkup into Yeniseic, even by Polyakov who points out clear arguments for the opposite direction. That the majority of the words have been loaned by Selkup from Yeniseic is however clearly shown by the fact that the lookalikes rarely have counterparts in other Samoyedic languages, while the Yeniseic words often have far reaching etymologies in Yeniseic, and are often internally explainable as compounds. Among the loanwords are also several indeclinable adverbs, while Samoyedic adverbs generally are original nouns, declined in local cases. Another point, which I will deal with in this paper, is that the Yeniseic loans show for Selkup atypical phonotactic features: word final *l* and *s*, forbidden combinations *pā-* and *ka-*. Words of these types are found in all Selkup dialects, and are therefore of considerable age. A much younger layer is found in the Tundra dialect, that has direct contact with Yeniseians, and possesses recent loanwords that are not adapted to Selkup phonotactics.

Predicative possession in Southern Selkup

Anja Behnke

Universität Hamburg

The relatively abstract notion 'possession' is among the universal concepts which are hard to define explicitly, since they are inherently vague (Stassen 2009). The semantic dispersion of possessive language structures range from the prototypical possession (ownership) to the abstract one. Usually two types of syntactic realization are distinguished: the so-called adnominal or attributive possession and the predicative possession. In the case of adnominal possession the possessive relation is realized on the NP-internal level [*John's house*]_{NP}, whereas in the case of predicative possession the realization is on the sentential, NP external level, involving a predicate (*John has a house*). In my talk I will give an overview of the predicative possession in Southern Selkup¹. According to Stassen (2001, 2009) predicative possession can further subdivided into transitive (have-possessive) and intransitive constructions. In Selkup (Southern Samoyedic) only intransitive constructions occur, whereas in Nganasan (Northern Samoyedic) also transitive constructions are common.

(1) Nganasan (KTTch1, 2008)²

ńuə sani-j hon-t̃i
child toy-PL.ACC have-CO.3SG
'The child has toy.'

1. Locative

In general locative existential construction the possessed is the grammatical subject of the "exist"-predicate. The possessor is marked by some item meaning 'at', 'on' or 'in'. In intransitive possessive constructions the sentential predicate is usually a verb with the meaning 'to be' or 'to exist'. In Selkup possessive constructions can be coded in two ways: with the locative case and with the nominative case. Using the locative there is a difference between Northern and Southern Selkup. In Northern dialects the construction is a PP, where the postposition is the only means of marking the possessor, whereas in Southern Selkup it is an NP, where the possessor is marked with a case suffix. It is typical for Southern Selkup, that the possessor is almost always coded with the locative.

(2) Northern Selkup, Taz (Tučkova, Helimski 2010: 104)

Omt̃xo-n m̃ix̃n e-p̃-a nok̃r neja-t-ĩ
tzar-Gen PST_{LOC} be-PST-3SG three daughter-PL3SG
'The tzar had three daughters.'

(3) Central Selkup, Parabel (Bekker 2005a: 85)

amd̃lgu-nan ñāgur ī-de ē-nd̃ā-det
tzar-LOC three son-3SGPX be-LATENT-3PL
'The tzar had three sons.'

2. Nominative

According to Wagner-Nagy (2011) in Southern Selkup nominative possessive constructions rather rarely occurs, mostly with personal pronouns, which also can be regarded as a possessive pronoun. In this

¹ Here with the term 'Southern Selkup' will be referred to central and southern dialects.

² Wagner-Nagy, 2011

constructions the possessed is the grammatical subject of the sentence and carries the personal possessive suffix referring to the possessor. The possessor takes up the sentence-initial possession and is unmarked (nominative case).

(4) Southern Selkup, Napas (Bekker 1995a: 84)

n n'alɣup nepsə-d βarɣ ek
det woman breast-PX3SG big be.3SG.

'This woman has a big breast.' (lit.: this woman breast-her big is)

(5) Southern Selkup, Napas (Bekker 1995a: 85)

man ija-m t'anga
1SG son-1SG_{PX} NEG_{EX}-PST.3SG

'I did not have a son.'

3. Genitive

There is possibly a third way of coding possession, namely with the genitive case. The existential verb *netuɣa* (*netuwa*) is borrowed from the Russian particle *netu*.

(6) Southern Selkup, Narim (Filchenko 2013: 40)

man-an kanak tšangw-a / netu-ɣ-a
1SG-GEN dog NEG_{EX}-3SG / NEG_{EX}-PST-3SG

'I don't have a dog.'

(7) Southern Selkup, Narim (Filchenko 2013: 40)

kana-n ĩ tšangw-a / netu-ɣ-a
dog-GEN bone NEG_{EX}-3SG / NEG_{EX}-PST-3SG

'The dog did not have a bone.'

Constructions of this type are not typical for Southern Selkup. It could be either an idiolectal usage of a single speaker or a possibility of coding possession that is still not described for Southern Selkup. For a further analysis it is necessary to search for fieldwork materials, to find (possibly) more examples of that type.

Bekker, E. G. et al. (1995a). *Morfologija sel'kuskogo jazyka. Južnye dialekty. Čast' 1*. Tomsk.

— (1995b). *Morfologija sel'kuskogo jazyka. Južnye dialekty. Čast' 2*. Tomsk.

Filchenko, A. (2013): „Asymmetric negation in Eastern Khanty and Southern Selkup“. In: Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. Issue 2 (Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij. Vypusk 2) pp. 29-49.

Kuznecova et al. (1993). *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt. Čast' 2. Teksty. Slovar'*. Moskau.

Stassen, L. (2009): *Predicative Possession*. OUP: Oxford.

— (2001): „Predicative Possession“. In: Haspelmath, M. et al. (eds.): *Language Typology and Language Universals. Volume 2*. de Gruyter: Berlin. 954-960.

Tučkova, N. A.; Helimski, E. A. (2010): *O materialax A. I. Kuz'minoj po sel'kupskomu jazyku = Über die selkupischen Sprachmaterialien von Angelina I. Kuz'mina*. HSFM 5. Hamburg.

Wagner-Nagy, B. (2011): *On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 262. Helsinki.

The 5th International Conference on Samoyedology, Helsinki 21.-23.10.2014

Музыкальный фольклор нганасан

Оксана Эдуардовна Добжанская
АГИИК, Якутск

Презентация книги «Музыкальный фольклор нганасан». Доклад включает рассказ о некоторых исполнителях песенного фольклора нганасан (с фотографиями), прослушивание напевов, знакомство с характерными текстами и сюжетами песен и сказок.

Добжанская, О. Е. 2014. *Музыкальный фольклор нганасан*. Норильск: АПЕКС.

Forest Nenets in the Arkhangelsk region?

Stephan Dudeck

(University of Lapland, Rovaniemi)

During oral history fieldwork among the Nenets of the Kanin peninsula the term 'Forest Nenets' appeared again and again and puzzled the researcher who did know about the division of the Nenets in the Tundra Nenets group and the Forest Nenets the latter speaking a distinctive language in the Western Siberian forest-tundra on the watershed between the middle Ob and the Taz and Nadym river basins. Comparison of historical sources and intensive anthropological fieldwork revealed an rich history of reindeer herding in the forest zone of the Arkhangelsk region. Forest reindeer herders existed here up to the seventies of the 20th century as private reindeer owners (edinolichniki) and used pastures as far as westwards from the Northern Dvina River and on the Onega peninsula. The paper will compare oral and written accounts and try to answer the questions why not only forest reindeer herding disappeared in the Arkhangelsk region (with the exception of the winter pastures of the Kanin herders) but also the memory of and oral history about reindeer herders that used to live the year around in the forest. The question touches problems of double marginalisation and competition over resources within the reindeer herding communities as well as the question of assimilatory effects by mainstream society and the state. The fact that private reindeer herding existed under certain conditions long into the post war period not only in hidden and secret communities like the famous Yamb-to Nenets put some widespread concepts about soviet collectivisation under question.

Selected Literature:

- Castrén, Matthias Alexander, and Franz Anton von Schiefner. 1856. *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845-1849*. Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.
- Гейденрейх, Лев. 1930. Канинская тундра. Архангельск : Госиздат. Северное краевое отд-ние
- Едемский М. Б. 1930, Самоеды и оленеводство в Кулойском крае Архангельского округа. *Известия государственного русского географического общества*, том LXII вып. 1, 33-36.
- Калинин, Иван Михайлович. 1929. 'О Распространении Самоедов в Прошлом: Из Новых Архивных Материалов'. *Известия Русского Географического Общества*, no. № 1: 77–80.
- Смирнов А. В. 1957, К вопросу о расселении и кочеваниях племен Самояди (по русским историческим документам XVII в.) *Известия всесоюзного географического общества том 89 вып. 2, 137-141.*
- Хомич, Л. В. 1972. 'Некоторые Особенности Хозяйства и Культуры Лесных Ненцев'. *Охотники, Собиратели, Рыболовы. Л*, 199–214.
- Шренк, А. 1855. *Путешествие К Северо-Востоку России Через Тундры Самоедов К Северным Уральским Горам, Предпринятое В 1837 Г.* СПб.

The special status of the 3rd person possessor suffix in Samoyedic languages

Doris Gerland

Heinrich-Heine Universität Düsseldorf

In the Samoyedic languages (and also in other Uralic languages) the 3rd person singular possessor suffix has a broader range of function as in other languages. Besides the possessor marking function one can find for example a frequent use of the suffixes as definiteness marker (Fraurud 2001, Nikolaeva 2003, Wagner-Nagy 2002). The suffix occurs in all uses regarded as typical for definite articles (Hawkins 1978), e.g. in deictic and anaphoric uses (1), in associative anaphoric uses (2) and with unives (3). In the following referring expressions the 3rd person singular possessive suffixes do not refer to a possessor but signal the nonambiguity of the referent of the noun just like Indo-European definite articles do.

(1) Selkup (NOS¹, text2.010/2.012)

Ima [...]. Ima-ti ni k kəti-ŋ-i-ti
woman [...]. woman-3SG so say-PRS-EP-3SGOBJ
'A woman [...]. The woman says [to him].'

(2) Nganasan (NoS, meu djamezi.003)

tahariaa büübtar-tu tərəd'i kərutətumou-ntənu s'iti maʔ nən `d'i-t3
now start-3SG such ordinaryearth-LOC two tent stand-PRS
'Well in the beginning [of the tale] there are two tents simply standing on the ground.'

(3) Forest Nenets (NoS, shicha_ne_ngashki 056)

Tajʔn'a xila-ta kaʔmaj
then snow-3SG fall.NARR
'Then, the snow fell.'

The two main reasons why the 3rd person possessor suffix is qualified for definiteness marking are the following: (i) As a possessive pronoun the suffix originally refers to an already established and unique entity, it functions as anaphor and indicates both possession and definiteness (like associative anaphor does: "My car is old. Its engine is broken."). Marked with this suffix the whole NP is definite, too. Therefore the marked head noun is interpreted as unique. In this sense the suffix marks uniquely referring expression like definite articles in other languages do. (ii) The original and still remaining function of the suffix is to indicate a possessor argument. This does not apply in cases where no relation of possession is available; with uniquely referring expressions the function of indicating a possessor is lost completely. This way, the use of the suffix is extended to contexts without a possessor, and what applies is the common denominator of indicating uniqueness of the head noun. Hence we can say that for definiteness marking the primary possessive use of the suffix is extended and the person specification is neutralized.

Besides its function as possessor and definiteness marker the 3rd person possessor suffix (and also sometimes the other persons) also serves as marker of nominalization (4), emphasis and is part of the

¹ NOS: Data of the Project "Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic languages", University of Vienna.

destinative suffix (5).

(4) Tundra Nenets (NoS, Tesdaja_nijsami086)

n'is'e-m'e jil'ema-mda

father-1SG live-ACC3SG

‘What my father lived through.’ (lit.: ‘The lived-through/experience of my father.’)

(5) Nganasan (NoS, NK_Kehy Luu)

ɲuə-ntə maa maðajs'üə-ðə-mtu mi-təŋi-m

god-LAT what gift-DEST-ACC.3SG give-FUT-1SG

‘What a gift do I give him?’

In my talk I will show that all these functions can be traced back to the original possessor marking function. This function can be seen as initial source concept from where all other uses and functions evolved. This kind of development was licensed not only because of the cognitive function of a possessor marker but also because of the special status of a 3rd person (as opposed to 1st and 2nd person) in general. For the latter claim I will also present some evidence from Samoyedic languages, including the verbal conjugation and the peculiarities of the personal pronouns.

References:

- Fraurud, K. (2001). Possessives with extensive use. A source of definite articles? In: I. Baron, M. Herslund & F. Sørensen (eds.) *Dimensions of Possession*, Benjamins: Amsterdam. 243–267.
- Hawkins, J. (1978). *Definiteness and Indefiniteness. A Study in Reference and Grammaticality Prediction*. London: Croom Helm.
- Nikolaeva, I. (2003). Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. In: P. Suihkonen & B. Comrie (eds.) *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia. Collection of papers*. Izhevsk; Leipzig: Udmurt State University; Max Planck Institute of Evolutionary Anthropology. 130–145.
- Toivonen, I. (1998). *Lexical Splits in Finnish Possession*. Ms. University of Stanford. Available online: <http://http-server.carleton.ca/~toivonen/pdf/Px.pdf>.
- Wagner-Nagy, B. (2002). *Chrestomathia Nganasanica*. *Studio Uralo-Altaica Supplementum* 10. Szeged/Budapest: SZTE Finnugor Tanszék.

Народно-медицинские традиции европейских ненцев и ижемских коми¹

Ирина Васильевна Ильина

Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар

В докладе, подготовленном по материалам полевых исследований, рассматриваются особенности традиционной медицинской культуры ижемских коми, сформировавшиеся в результате этнокультурных контактов с ненцами. Ненецкая медицина оказала влияние на ассортимент лечебных средств и структуру медицинских знаний коми-оленьеводов. В то же время различные у коми и ненцев санитарно-гигиенические нормы и стереотипы выступали в зоне межэтнического взаимодействия в роли дифференцирующего признака.

Ижемцы – северная этнографическая группа коми, сформировавшаяся в XVII-XVIII вв. в бассейне средней Печоры и ее притоков на основе переселенцев с Мезени, Выми, Усть-Цильмы (Конаков 2000: 29-30). Коми первопоселенцы оказались в экологических условиях, предельных для функционирования традиционного хозяйственного комплекса, и успешно адаптировались к ним благодаря введению новой отрасли хозяйства – оленеводства, заимствованного у ненцев. В процессе освоения зоны крайне-северной тайги и тундры, развития оленеводческого комплекса и контактов с ненцами у ижемцев выработалась яркая культурно-бытовая специфика, которая проявилась и в народной медицине.

Попав в новые экологические условия и перейдя на кочевой образ жизни, ижемцы практически утратили традиции использования в лечебных целях высших растений, что является характерным для народной медицины коми (Ильина, 2008). Из более, чем 140 видов растений, входивших в фармакопею коми, на Ижме зафиксировано применение лишь одиннадцати. Ассортимент лекарственных средств пополнился за счет рецептов ненецкой народной медицины, в которой широко использовались продукты оленеводства (оленьи кровь, костный и головной мозг, печень, легкие, рога, сухожилия, мездра, шкура), а из тундровой флоры – лишайники (*Centaria islandica* Ach., *Cladonia*). От ненцев заимствованы и некоторые гигиенические средства: детские колыбели устилали оленьим шейным волосом, под который насыпали березовые гнилушки или мох; в качестве перевязочного материала использовали стружку из тальника или березы; для защиты глаз от яркого солнечного света надевали кожаные очки-маски.

Переход ижемцев к оленеводческому хозяйству повлиял на структуру медицинских знаний, содействовав развитию травматологии. Условия кочевого быта с высоким уровнем травматизма, отдаленностью от населенных пунктов требовали от оленевода умения оказать срочную помощь, а повседневная ветеринарная практика обеспечивала накопление необходимых знаний в области анатомии, способствовала овладению соответствующими приемами и методами лечения, в том числе заимствованными у ненцев (фиксация переломов оленьей шкурой, тампонирование кровотечений, лечение снежной слепоты кровопусканием, прижигание биологически активных точек).

Существенное влияние оказала ненецкая культура на систему питания, являвшуюся основой здорового образа жизни ижемских оленеводов. Основой рациона стали мясо оленя и рыба, обеспечивающие организм необходимыми белками, жирами, микроэлементами, а сыроедение спасало от авитаминоза, и позволяло избегать лишних физических затрат на приготовление пищи, экономить запасы дефицитного в тундре топлива.

Взаимодействие коми-ижемцев и ненцев в сфере медицинской культуры не исчерпывалось односторонним заимствованием рациональных средств и методов лечения. Именно в этой сфере, в частности в области гигиены, а также в отношении сакральных лиц, возникли яркие

¹This report is prepared under the project “Sources and Traditions of Uralic Cultures: Spatial-Temporal Dynamic” (№ 12-П-6-2016).

этнокультурные стереотипы, характеризующие отношения контактирующих этнических групп.

Т. Дроновой и К. Истоминым опубликованы материалы о негативном восприятии русскими кочевого образа жизни, особенностей традиционного рациона, отсутствия банных традиций у ненцев (Дронова, Истомин 2003: 60). Различие традиций отмечается и коми-ижемцами, у которых записан текст, свидетельствующий не только о внимании к санитарно-гигиеническим нормам как отличительному признаку, но и возможности различного восприятия и оценки этих норм с обеих сторон: *«Вот по-разному живем. Ненцы, к ним приедешь, говорят, какие вы грязные – каждую неделю в бане мыться вам надо, а мы говорим, какие ненцы грязные – никогда не моются»* (Ильина 2008: 67). Подобное восприятие традиционных стереотипов свидетельствует не только о восприятии их как этно-дифференцирующего признака, но и об определенной толерантности в отношении чужой культуры.

Показательно отношение коми-оленевонов к ненецким шаманам. Исследователям зафиксированы факты особо почтительного отношения к сакральным лицам чужого этноса (напр., Хомич 1981: 282). Однако для ижемцев характерен исключительно критический взгляд на шаманские камлания по поводу изгнания духов болезней.

Литература:

- Дронова, Истомин 2003 – Дронова Т.И., Истомин К.В. Межэтническое взаимодействие печорских групп: ненцев, русских и коми-ижемцев // этнографическое обозрение, 2003. № 5. С.54-65.
- Ильина 2008 – Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар, 2008.
- Конаков 2000 – Конаков Н.Д. Этнографические группы коми-зырян // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: Наука, 2000.
- Хомич 1981 – Хомич Л.В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981.

Zur Darstellung der Existenz bzw. des Vorhandenseins (Besitzens) in den nordsamojedischen Sprachen unter besonderer Berücksichtigung des Wald-Nenzischen

Michael Katzschmann

Universität Göttingen

Das Besitzen einer Sache oder weitläufig auch einer Person entsprechend lat. *habeo* ist nicht nur in den sam. Sprachen auf syntaktischer Ebene geregelt. Dabei spielt der impersonale Existenzialsatz ('Es gibt ...') eine besondere Art des Nominalsatzes eine wichtige Rolle. Das Besessene wird dabei mit einem Possessivsuffix versehen. Ebenso wie der Besitzer selbst steht es im Nominativ:

(FN) *jūt* *kāsama* *ŋop* *ŋuta-ta* Ø
zehn.NUM Mann.NOM ein.NUM Hand-NOM.3S ESSE
'Zehn Männer haben eine Hand.' (Ni. 276; L47: 606)

Entsprechend den Regeln entfällt im Aorist die dem lat. ESSE entsprechende sam. Verbform. Ist der Besitzer (*kāsama*) durch ein Personalpronomen ausgedrückt, kann er auch entfallen. Entfällt der Besitz (*ŋuta-ta*) erhält der Satz eine generelle, existenzielle Aussage. Beide Aussagen bauen ähnlich dem lat. ESSE auch im Samojedischen auf ein und demselben (Hilfs-)Verb PS *â- (? ~ ä-, è-) 'sein / being' auf. Der Bedarf nach einer weiteren, vielleicht sogar eindeutigeren Darstellung(sform) scheint sich schon sehr früh gezeigt zu haben. Eine der Möglichkeiten geht auf ein protosam. Demonstrativpronomen zurückgeht (PS *tâ 'jener, dieser, der'). Seine abgeleitete Form PS *tâ.nä- dient lt. Janhunen sowohl als Pronomen als auch als Verb 'da sein', also 'vorhanden sein'. Um welche Ableitung es sich handelt, bleibt bei Janhunen im Unklaren. Es bietet sich jedoch die Postposition PS *nä- 'bei' an, wie sie zur Darstellung einer Nähe verwendet wird.

Das trifft auch auf den Weg des Selkupischen zu. Statt des Demonstrativums wählt es allerdings eine andere, nominale Postposition (*mj-* < PS *mü (? *müâ) 'the inner / das Innere') und trennt sich damit vom Nordsamojedischen und nähert sich den finnisch-ugrischen Varianten wie z.B. fi. *minu-lla* [ALLAT] *on* ... 'Bei mir ist (Ich habe) ...':

(S) *ukot* *me* *mj.qj.nj.t* *nu-l'* *māt* *e-sa*
früher-ADV wir.PPRON.1P in.POSTP-CO.LOC.P Gott-ADJ.ATTR Zelt.NOM sein-PRT.3S
'Früher gab es bei uns [hatten wir] eine Kirche.' (Nw 68; Erd. 1969: 30)

Der Bezugspunkt von ESSE ist jetzt kein Nomen mehr, sondern eine lokal-adverbiale Form. Deshalb darf es auch nicht mehr entfallen! Damit wäre *tâ.nä- als verbale Form eigentlich um *â- zu erweitern. Beide Formen gehen aber in der Folge eine derart enge Verbindung ein, dass sie heute nicht nur als Einheit empfunden, sondern auch lexikalisch dargestellt werden.

Dennoch scheint es noch heute Spuren des ursprünglichen Zustands zu geben. Denn auch die verbalisierten Formen zeichnen sich im Wald-Nenzischen durch die Länge des auslautenden Vokals (hier) *ā* (*ta.d'ā* < *ta.d'a* + *a-*) aus. Deshalb wäre im *š*-Präteritum auch *ta.d'ā-š* denkbar gewesen:

(FN) *man'* *taʃša* *kniga-j* *ta.d'a|ŋa-š*
 PPRON.1S such-INDPRON book-NOM.1S there~be-AOR.3S-PRT.CL
 'Ich habe ein solches Buch / У меня была такая книга.' (BW 1994: 137)

Es spricht in diesem Falle also eigentlich nichts gegen eine Trennung in *ta.d'a* und *ŋa-š*.
 Die sich für die nordsam. Sprachen aus dieser Verbindung ergebenden Formen des 'Habens' oder 'Besitzens' bzw. 'Vorhandenseins' unterscheiden sich auffällig:

Wald-Nenzisch (FN): *ta.ja* / *ta.d'ā* (AORIST)
 Nganasanisch: *tə.ja-ś* (CN *təi-bə*")
 tə.ni.j-śa (CN *tənij-bə*") (selten)
 Tundra-Nenzisch: *tǎ.ńa-ś* (*тǎня-сь*)
 Bay-Enzisch: *to.nè-š*

Das Nicht-Besitzen bzw. Nicht-Existieren wird im Samojedischen nicht durch das generelle Hilfsverb basierend auf PS *i ~ (ПРОИВ?) *e-, sondern durch eine eigene Form mit negierender Semantik ausgedrückt. Auch diese liegt als nominale und verbale Form vor, basierend auf:

PS I *jǎŋkə (? noun, ? *jǎŋkâ) 'Fehlen, Abwesenheit'
 PS II *jǎŋkə- (verb, ? *jǎŋkâ-) 'nicht vorhanden sein, abwesend sein'

Anders sieht es bei der affirmativen (in ihrer Grundaussage also bejahende) des Nicht-Existierens aus. Hier erscheint nicht nur das allgemein negierende Hilfsverb *ńi-š* 'nicht' sondern auch der Connegativ (CN) von ESSE, cf.

(FN) *ta.je|* *ŋe-"* *ńi-w~*
 there?-DPRON ESSE-CN NEG-1S.AFF.CL
 'Er ist ja.' (Nj.; L56: 458b)

Damit wird auch die Form *ta.d'a|ńa-š* wahrscheinlicher.

Die Ähnlichkeit des Ng. *tə.j-* und des WN *ta.ja-* ist zunächst auffällig. Obwohl sich eine Identität anbietet, ist noch eine andere Eigenheit des WN zu berücksichtigen. WN *ta.je* etc. wird bemerkenswerterweise mit einer weiteren sam. Form entsprechend

PS *mę 'was'
 PS *mę- (intrans.) 'sein / werden'
 PS *mę- (trans.) 'nehmen'

verbunden. Für die verbalen Formen zeigen die meisten Belege langen bzw. diphthongischen Vokal, was wiederum auf eine möglich Verbindung mit ESSE zurückzuführen ist. Für das TN unterscheidet Tereščenko in ihrem Wörterbuch deutlich ihre Infinitive und darauf basierend auch ihre Stämme: *més* (intr.) 'sein / vorhanden sein' und *méc* (trans) 'halten / nehmen'.

Verwirrend ist, dass Lehtisalo in seinem Wörterbuch unter dem entsprechenden Lemma zwar TN *ta.ńa*

als Tundra- und *ta.ja* als Wald-Nenzisch anführt, Formen aber (nicht nur) im Ljamin-Dialekt (FN) nebeneinander vorkommen:

(FN) *tā.j-na* *nièse.aç* *ta.je* *mu-è-*"
dort-LOC Mann-NOM.P dort-DER existieren-AOR-3P
'Dort sind Menschen.' (Lj₂; L56: 458b)

Weitere und Belege auch aus anderen nordsam. Sprachen unterstreichen diese Aussagen, zeigen jedoch auch einige hier nicht behandelte Erscheinungen. Das Enzische und Nganasanische scheinen nur noch die auf den Demonstronomen (PS *tâ) basierenden Konstruktionen zu kennen und verwenden die auf PS *mę basierenden Formen wie im Enzischen nur als Transitivum. Das Wald-Nenzische hat offenbar von allem etwas bewahrt.

Glossierung

ADJ	ADJEKTIV
ADV	ADVERB
AFF	AFFIRMATIV
AFF	ALLATIV
CL	CLITICUM
AOR	AORIST
ATTR	ATTRIBUT
CN	CONNÉGATIV
CO	COAFFIX
DER	DERIVATIV
DPRON	DEMONSTRATIVPRONOMEN
INDPRON	INDEFINITPRONOMEN
LOC	LOCATIVE
NEG	NEGATION
NOM	NOMINATIV
NUM	NUMERALE
P	PLURAL
POSTP	POSTPOSITION
PPRON	DEMONSTRATIVPRONOMEN
PRON	PRONOMEN
PRT	PRÄTERITUM
S	SINGULAR
Ø	Null-, Zero-Morphem
.	nicht trennbare Suffixcluster
-	Suffixtrenner
	angenommener Worttrenner

Verwendete (*) und weiterführende Literatur

- *Barmič|Бармич, Мария Я. ; Вэлло, Инна Аутовна (1994): *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий* (лесной диалект) : около 4.000 слов. Санкт-Петербург Просвещение, 234 [,2] p. FN: 5-09-002339-5. [BW]
- Barmič|Бармич, Мария Я. ; Вэлло, Инна Аутовна (2002): *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий* (лесной диалект) : около 6.500 слов. 2-е изд., дораб. (Язык народов севера, сибери и дальнего востока) Санкт-Петербург : Просвещение, 286 p.
- Castrén M[atthias] A[lexander] ; Lehtisalo, T[oivo Vilho] (Ed.): *Samojedische Sprachmaterialien* : ges.; hrsg. von T[oivo Vilho Lehtisalo]. (MSFOu 122) Helsinki : SUS 1960, 462 p.
- *Erdélyi, István (1969): *Selkupisches Wörterverzeichnis* : Tas-Dialekt. Budapest : Akad. Kiadó, 315 p.
- *Janhunen, Juha (1977): *Samojedischer Wortschatz* : gemeinsamojedische Etymologien. (Castrenianumin toimitteita 17) Helsinki, p. 185.
- Куприянова, Зинаида Николаевна (1965): *Эпические песни ненцев* : составитель, автор вступительной статьи и комментария. Москва: Наука, 781 [782] p.
- Labanauskas|Лабанаускас, Казис И. (2001): *Нганасанская фольклорная хрестоматия = Ня" дырымы" туобтугуйса* : *The Nganassan folklore reader*. (Фольклорь народов Таймыра 6) дудинка, 208 p.
- Labanauskas|Лабанаускас, Казис И. (Сост./автор) (2002): *Родное слова = керна" базаба"* : энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы / онай энчу" бари", сюдобичу", дёречу". Санкт-Петербург, 337 p.
- *Lehtisalo, Toivo [Vilho] (1947): *Juraksamojedische Volksdichtung* : ges. u. hrsg. von ... (MSFOu ; 90) Helsinki : Suomalais-ugrilainen Seura, XII, 615 p. [L47]
- *Lehtisalo, Toivo Vilho (1956): *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 13), Helsinki, CIX, 601 p. [L56]
- Sammallahti, Pekka (1974): *Material from Forest Nenets*. (Castrenianumin toimitteita 2). Helsinki, 140 p.
- Sebestyén, Irén N. (1957-1958): Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des uralischen Genitivs (Поссессивные конструкции в самоедских языкаж и вопрос об уральском генитиве) : I.П. // *ALH* 7, 41-71, 278-339.
- *Tereščenko|Терещенко, Наталья Митрофановна (1989): *Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий* : около 4.000 слов ; пособие для учащихся начальной школы. Ленинград, 302 p.
- Verbov|Вербов, Г. Д.; Попова, Ядвига Натальевна (Ed.) (1973): Диалект лесных ненцев. // *Самодийский сборник* (1973), 3-190. FN: [Kand.Diss. von 1935].

The song of a New Selkup shaman in the context of Selkup traditional personal songs of the Rudolf collection: Text analysis¹

Olga Kazakevich

Lomonosov Moscow State University

In the summer 1996 in the Center of Local Cultures in Krasnoselkup, I was presented a copy of one of the tapes from the audio archive of Victor Rudolf, a most remarkable person who worked in the Krasnoselkup district in the 1980s and collected Selkup traditional culture items and folklore as his hobby. With the time, the material part of his collection built the bulk of Krasnoselkup Museum of Ethnography. As for the tapes with folklore audio recordings, after his sudden death in 1990 they had been preserved in the Museum until the end of 2013 when they were moved to Salekhard in order to be digitalized.

The copy of the tape mentioned above contains 12 songs sung by Konstantin Chekurmin, a famous Selkup singer passed in the late 1980s. These are personal songs of people of the elder generation whom Konstantin had once known and whose singing he had heard and remembered. By the time of the recording (1982) they all had passed, but their songs were kept alive thanks to the singer's performance. It should be mentioned that today you have practically no chance to hear a personal song uninfluenced by Russian bard or pop music. Quite a few people can still reproduce melodies of personal songs of their parents or grandparents, but as a rule without words. Actually, they sincerely believe there have never been any 'true words' in those songs. Under the circumstances, the Rudolf collection of personal songs 'with words' is especially valuable. The problem was to decipher the audio recordings extracting the texts from them.

In the summer 2013, 17 years after I had received the copy of the tape, I finally got to the place where Rudolf had made his recording and where the local dialect of the singer was spoken, the village of Tolka, so I made an attempt to transcribe and translate the texts of the songs from the tape with the help of competent dialect speakers (all my earlier attempts to do it all by myself or with the help of speakers of other Selkup local dialects had failed).

In search of competent speakers ready to work with me and able to help I went to the Chekurmin family camp in the middle flow of the Tolka River where two younger brothers of the late Konstantin lived. It was definitely the right place to go, as I not only found most valuable help there, but could also witness a start of a shamanic career of the youngest Konstantin's brother Georgiy. He agreed to performed his personal song of a shamanic novice for me, as well as two songs of his shaman ancestors.

The analysis (both content and grammar) of the personal song of Georgiy Chekurmin, as well as of the transcribed songs of the Rudolf collection will be presented in the paper. I'll only mention here that the title "Lonely wonderers" would suit the majority of the analyzed songs.

¹ The paper was prepared in the framework of the project "Development of the web-site 'Minority languages of Siberia as our cultural heritage' (on the material of the languages of the basin Middle Yenisei and the Middle and the Upper Taz)", supported from Russian Foundation for the Humanities, grant 12-04-

Morphological account of Enets intransitive verbs

Olesya Khanina (independent researcher) & Andrey Shluinsky (Институт языкознания РАН, Москва)

Like other Northern Samoyedic languages, Enets provides an example of ‘split intransitivity’ (Merlan 1985). Enets intransitive verbs are divided into two classes depending on the conjugation series they are used with, subject (1) or middle (or ‘reflexive’) (2) (for details of paradigm formation see Tereščenko 1966: 449, Sorokina 2010: 308-326, Siegl 2011: 216-227). In this presentation we discuss the structure of the two classes and describe existing class-changing derivations. The paper is based on a corpus of natural texts from the two Enets dialects, Forest Enets (FE, ca. 24 hours) and Tundra Enets (TE, ca. 8 hours).

Perfective intransitive verbs can belong either to subject or middle class, while imperfective intransitive verbs belong to subject class only. From the bigger FE corpus we know of one regular exception to the latter rule: imperfectivizing derivations Durative *-go-* and Discontinuative *-ga-* attached to middle verbs result in imperfective middle verbs (3).

For perfective intransitive verbs the choice of subject or middle series is lexical, and no strict predictions can be made from the meaning of the verb, cf. (1)- (2). However, middle verbs tend to denote semantically middle situation (see Kemmer 1993). E.g. all Enets verbs of change of posture belong to the middle and not to the subject class, e.g. FE *neru-* / TE *nɔɔrɔ-* ‘get up(pfv)’, FE *bazta-* / TE *bazeta-* ‘lie down(pfv)’. Noteworthy, TE has several perfective intransitive verbs that exhibit variation between the two classes without any change of meaning (4), e.g. *taa-* ‘reach (pfv)’, *mɔnɔ-* ‘fall down (pfv)’.

Two derivations can change the class membership of an intransitive verb: Inchoative marker FE *-ru-* / TE *-riɔ-* requiring middle cross-reference and Multiplicative marker FE *-r-* / TE *-rɔ-* requiring subject cross-reference. Independently of the original verb class membership, Inchoative derivation results in a middle verb (5) and Multiplicative derivation results in a subject verb (6).

There is also a historic Stative marker **-w-* (Gusev 2010) that could derive imperfective subject verbs from perfective middle verbs. In modern Enets its traces can be seen in pairs of etymologically related verbs that differ, first, in their class membership, and second, in the last vowel, and sometimes also a consonant, of the stem (7), cf. FE *mɔʃta-* ‘lie down (pfv)’ ~ *mɔʃʃi-* ‘lie (ipfv)’, *kɔda-* ‘fall asleep(pfv)’ ~ *kɔdʃi-* ‘sleep(ipfv)’, TE *bazeta-* ‘lie down (pfv)’ ~ *bazete-* ‘lie (ipfv)’, *kɔda-* ‘fall asleep(pfv)’ ~ *kɔdɔ-* ‘sleep(ipfv)’.

Due to a number of diachronic processes, some ancient ones exemplified above and more recent ones, e.g. occasional reduction of stem-final open vowels into close ones (*/ɔ/ > /u/*, */e/ > /i/*), modern Enets has pairs of verbs that differ by aspect and class membership only, i.e. they do not show any overt derivation markers (8), cf. FE *nɛ-* ‘be open(ipfv)’ ~ ‘open(pfv; intr)’, *dʃiri-* ‘live(ipfv)’ ~ ‘revive(pfv)’ and TE *nee-* ‘be open(ipfv)’ ~ ‘open(pfv; intr)’, *tɔrɔ-* ‘be closed(ipfv)’ ~ ‘close(pfv; intr)’, *adɔ-* ‘sit(ipfv)’ ~ ‘sit down(pfv)’. We analyze all such pairs in the two Enets dialects and explain why TE has more pairs of the kind.

References

- Gusev, Valentin Ju. 2010. Stativy i dekauzativy na *-w v samodijskix jazykax [*-w statives and anticausatives in Samoyedic]. In: Burkova, Svetlana I. (ed.). *Materialy 3-ej meždunarodnoj naučnoj konferencii po samodistike* [Proceedings of the 3rd international conference on samoyedology], 54–65. Novosibirsk: Institut filologii SO RAN.
- Merlan, Francesca. 1985. Split intransitivity: Functional oppositions in intransitive inflection. In: Nichols, Johanna & Anthony Woodbury (eds.), *Grammar Inside and Outside the Clause*, 324–362. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kemmer, Suzanne. 1993. *The middle voice*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins.
- Tereščenko, Natal'ja M. 1966. Eneckij jazyk [Enets]. In Vasilij E. Lytkin & Klara E. Majtinskaja (eds.), *Jazyki narodov SSSR: Finno-ugorskie i samodijskie jazyki*. [Languages of the USSR: Fenno-Ugric and Samoyedic languages], 438–457. Moscow: Nauka.
- Siegl, Florian. 2011. *Materials on Forest Enets, an indigenous language of Northern Siberia*. PhD dissertation. University of Tartu.
- Sorokina, Irina P. 2010. *Èneckij jazyk* [Enets]. St. Petersburg: Nauka.

Examples

- (1) *tɔz tʃikoz* *tʃi* *pɔtabu-d* *kanʲe-zʲ*
 FE so this.ABL.SG here Potapovo-DAT.SG leave(pfv)-1SG.S
 ‘So after that I went to Potapovo.’
- (2) *mɛ-nʲʲ* *dʲodʲi-d* ... *ʃim-e-jʲ*
 FE chum-OBL.SG.1SG time-DAT.SG run_away(pfv)-M-1SG.M
 ‘I ran to my home.’
- (3) a. *kɔdi-xi-naʲ* *tɔɔ-j-naʲ*
 FE sledge-DAT.PL-PL.1PL reach(pfv)-M-1PL.M
 ‘We reached our sledges.’
- b. *kɔdo-naʲ* *keu-d* *tɔz tɔɔ-go-j-naʲ* *anʲ*
 FE sledge-PL.1PL side-DAT.SG so reach(pfv)-DUR-M-1PL.M and
 ‘We are reaching our sledges.’
- (4) a. *kɔdɔ* *nʲiz* *mɔnɔ-e-bɔʲ*
 TE sledge from fall_down(pfv)-M-1SG.M
 ‘I fell of the sledge.’
- b. *ɲuʲ* *serɔbeʲɔ-dʲa* *mɔnsa-Ø*
 TE one male_wild_reindeer-PEJ fall_down(pfv)-3SG.S
 ‘One male wild reindeer fell down.’
- (5) a. *peri* *pifɲa-Ø*
 FE always laugh(ipfv)-3SG.S
 ‘He always laughs.’
- b. *kaza-zuʲ*, ... *ɲuʲʲ* *amulʲeɔn* *manʲ* *pifi-l-e-zʲ*
 FE grandmother-NOM.SG.3PL very terribly say laugh(ipfv)-INCH-M-3SG.M
 ‘Their grandmother ... started laughing terribly, say’.
- (6) a. *nenago-r* *tʃi-j-zʲ*
 FE mosquito-NOM.SG.2SG fly(pfv)-M-3SG.M
 ‘Mosquitos (lit. mosquito) started flying.’
- b. *nɛbe pilʲu-ku* *oka-tʃ*, *tɔn tʃɲa-tʃ*
 FE new gadfly-DIM many-3PL.S.PST now fly(ipfv)-3PL.S.PST
 ‘There were a lot of new wasps, so they flew around.’

- (7) a. *ʃuzibe-r* *kɔd-e-zʔ*
FE giant-NOM.SG.2SG fall_asleep(pfv)-M-3SG.M
 ‘The giant fell asleep.’
- b. *teza oor-ɔ-xaz-da* *ʃuzibe-r* *kɔdʲi-∅*
FE now eat(ipfv)-NMLZ-ABL.SG-OBL.SG.3SG giant-NOM.SG.2SG sleep(ipfv)-3SG.S
 ‘Now the giant is sleeping having eaten.’
- (8) a. *kudaxaaʔ* *biʔ ɲuʔ ʔʃas-xɔn* *lapka* *nee-ɔbi-zɔʔ*
TE for_a_long_time ten one hour-LOC.SG shop open(pfv)-HAB-3SG.M
 ‘The shop used to open at eleven o'clock.’
- b. *nʲea-za* *nee-ʃ*
TE door-NOM.SG.3SG open(ipfv)-3SG.S.PST
 ‘The door was open.’

The numerals of “Abakanic”

Gerson Klumpp

University of Tartu

Among the Southern Samoyed sources from the 18th century there figures a notorious vocabulary, published in two assumedly primary versions, differing in size and content, by Daniel Gottlieb Messerschmidt (1721: 163; Helimski 1997: 24; cf. Klaproth 1823: 160–163, Donner 1932: 9), and Philipp Johann Tabbert von Strahlenberg (1730/1975: Tabula; see also Donner 1932: 8) (cf. Helimski 1993: 249, 1997: 24). As Messerschmidt’s itinerary (temporarily kept by Strahlenberg) informs, the vocabulary was recorded on december 26th of the year 1721 near the town of Abakan—hence the term “Abakanic”—where Messerschmidt and Strahlenberg spent the night in a Tatar yurt on the river Syda, an eastern contributory of the Yenisei, about 2 verst from a village named Torgashina; according to the legend of Strahlenberg’s map (1730: 357, appendix) this yurt was an Arinic village. Two of the Tatars were of distinct origin and spoke a language which according to Messerschmidt was “a combination of Selkup and Nganasan” and had to be identified as *Kagmasinian*, a language spoken by Tatars between the Yenisei and the Angara in the districts of Kan and Uda. As it has been pointed out by Donner (1920: 2–4) (see also Helimski 1997: 23) the data of the vocabulary is not homogeneous, but rather reflects two different Samoyed languages: appellative words are of Mator (Taigi) origin, and numerals of Kamas. The present contribution discusses the assumed Kamas origin of the Abakanic numerals. Generally, it must be stated that the allocation of the appellatives to Mator causes much less problems than the allocation of the numeral expressions to Kamas. In addition, only the numerals for 1–12, which figure in both versions of the vocabulary are of Kamas character, but the higher numerals (multiples of ten 20–90, 100 and 1000) which figure only in Strahlenberg’s version resemble neither Mator nor Kamas numerals, but rather those of Selkup (Chulym or Chaya); <bydt tun> ‘1000’ (‘ten-hundred’), with Kamas <bydt> ‘10’ and Selkup <tun> ‘100’ may be a hybrid. Up to the present, Strahlenberg and Messerschmidt’s Pseudo-Kamas numerals have never been discussed thoroughly, and their role in the taxonomy of Southern Samoyed as well as in the numeral systems of Uralic (cf. Honti 1993) have never been critically evaluated.

References

- Donner, Kai 1932. *Samojedische Wörterverzeichnisse, gesammelt und neu herausgegeben*. MSFOu 64. Helsinki: SUS.
- Donner, Kai 1920. *Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen*. MSFOu 49. Helsinki: SUS.
- Helimski, Eugen 1997. *Die Matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy. SUA 41. Szeged.
- Helimski, Eugene 1993. Samoyedic Vocabularies from the 18. Century: A List of Archive Manuscripts. *UAJb* N.F. 12, 249–265.
- Honti, László 1993. *Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen*. Bibliotheca Uralica 11. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Klaproth, Julius 1823. *Asia Polyglotta*. Paris.
- Messerschmidt 1721 = Winter, Eduard & Figurovskij, Nikolaj A. (eds.) 1962. *D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien*. Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas 8, Vol. I. Berlin: Akademie-Verlag.
- von Strahlenberg, Philipp Johann 1975. *Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia*, Stockholm, 1730. With an Introduction by J. R. Krueger. SUA 8. Szeged.

Об отрицании при вопросительных местоимениях и наречиях в южных диалектах селькупского языка

Сергей Васильевич Ковылин
ТГПУ

Исследование отрицательных местоимений и наречий в южных диалектах селькупского языка является частью общей картины изучения отрицания как в селькупском языке, в частности, так и в других языках обско-енисейского ареала, в целом. Эмпирическим материалом для анализа служат языковые материалы полевого архива кафедры языков народов Сибири ТГПУ, а также опубликованные материалы по селькупскому языку в виде монографий, очерков и словарей.

В южном диалектном ареале отрицание местоимений и наречий происходит по модели [Бэккер 1995: 130] отличающейся от модели [Кузнецова 1980: 298] используемой в северном диалектном ареале. Это позволяет нам выделить южные диалекты, представленные многими современными исследователями в виде центральных и южных диалектов, в отдельную единую южную диалектную группу.

Отрицательные местоимения и наречия формируются при помощи утвердительного местоимения или наречия, которые присоединяет отрицательный суффикс *|naj – NEG|* и в предложении требуют после себя отрицательного согласования с отрицательным предикатом.

1. Юж.Сельк.Вас. (стр. 12); «Рассказ охотника».

ku-naj igi koja-eŝ!
куда-NEG NEG.IMP ходить-IMP.2SG.sub
'Никуда не ходи!'

Согласно выдвинутому нами тезису, отрицательные местоимения и наречия сформировались, в рассматриваемых диалектах, при помощи эмфатической, частицы *|naj – даже, тоже|*.

2. Юж.Сельк.Нарым. (стр. 70) «Сказка про брата и сестру».

udo-m naj wes^j hïro-m kado-n-n-am.
руки-ACC даже все снег-ACC коготь-VBLz-PRS-1SG.ob
'Руки даже все снегом поцарапала!'

Как утверждает В. Крофт, (ссылаясь на Schwegler 1988:36; Givon 1979 ch. 3), отрицательные высказывания являются более эмфатическими в реальном использовании, чем утвердительные высказывания. Поэтому между эмфазой и отрицанием существует высокая степень корреляции [Croft 2000: 131].

Предполагается, что частица *|naj – даже, тоже|* сначала служила для прагматического выделения отрицаемого местоимения, наречия в предложении. В последствии, в результате цикла Есперсона, как частного случая процесса грамматикализации, частица *|naj|* превратилась в эмфатическую клитику, примыкающую к отрицаемому местоимению/наречию, а затем грамматикализовалась в отрицательный суффикс. Параллельно с процессом клитикизации и суффиксаклизации происходило семантическое/прагматическое обесцвечивание, утрата функции эмфатического элемента *|naj|*, а затем обретение новой, внутри-свойственной функции - функции отрицания данного элемента из общего отрицательного контекста. Также, на примере отдельных южных диалектов селькупского языка, можно увидеть примеры дальнейшего возможного, альтернативного развития отрицательных местоимений и наречий, заключающегося в стяжении морфем и грамматикализации частицы стандартного отрицания в состав местоимения/наречия.

Конструкции, использующие отрицание, можно рассматривать с позиции симметрии/асимметрии. При симметричном отрицании отрицательные конструкции не отличаются от утвердительных конструкций, структурно, ничем, кроме присутствия маркера (маркеров) отрицания. При асимметричном отрицании наоборот, отрицательные конструкции отличаются от утвердительных по структуре [Miestamo 2007: 556]. Таким образом, в южных диалектах селькупского языка, согласно основной стратегии отрицания местоимений и наречий, наблюдается асимметрия по отношению к их утвердительным эквивалентам, например: *|kuti – kto/kuti-naj – никто (+ a: – NEG)|*.

Архивные данные

С-61 Селькупы (данные экспедиций). Ильяшенко И.А.; Ласкино, Вольджа, 1983. Том 61. Архив ЯНС ТГПУ.

2) Рассказ охотника (васюганский диалект). С-61; стр. 11-17;

С-65 Селькупы (данные экспедиций). Ильяшенко И.А.; Нельмач, 1984. Том 65. Архив ЯНС ТГПУ.

2) Сказка про брата и сестру (нарымский диалект). С-65 стр. 62-77;

Список сокращений

Юж.Сельк.Нарым. - Южные селькупы, нарымский диалект;

Юж.Сельк.Вас. – Южные селькупы, васюганский диалект;

Литература

Беккер Э.Г. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Часть 2. / Э.Г. Беккер, Л.А. Алиткина, В.В. Быконя, И.А. Ильяшенко. Томск: ТГУ, 1995. 284 с.

Кузнецова А.И. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том I. / А.И. Кузнецова, Е.А. Хелимский, Е.В. Грушкина. Москва: Издательство Московского Университета, 1980. 412 с.

Miestamo, Matti. Negation – an overview of typological research / Matti Miestamo, Language and Linguistics Compass. Volume 1, Issue 5. 2007. pp. 552–570. URL: - <http://www.linguistics.berkeley.edu/~syntax-circle/syntax-group/spr08/miestamo.pdf> Accessed on 2014-04-06.

Croft, William. Explaining language change: an evolutionary approach. London: Longman linguistics library, 2000. 287 p.

Narratives from the Yuribei River about Sikhirtia

Roza Laptander
Arctic Center, Groningen

Who were Sikhirtia, where they used to live and how? These questions were asked to Tundra Nenets who live on places, which are connected to their historical memories about Sikhirtia - an unknown ancient nation, which used to live on the tundra before Nenets. They used to live belowground and appeared on people's eyes just in the nighttime. During the field trip to the Yamal peninsula were collected different narratives about this historical people from Nenets who live near the promontory *Sikhirtia-sale* where Sikhirtia used to live in the past. This place near the Yuribei River is even visually very different from the ordinary tundra landscape because of the long grass. Under this grass there are few hillock located tightly to each other. Nomads do not consider this promontory to be sacred but they still indicate it as an old Sikhirtia settlement. During recent years, Russian scientists carried out several archeological excavations there. They proved that on this place used to live unknown ancient people who made their abodes from ground and they were hunters for wild reindeer, and fishermen.

Locals tell different stories about Sikhirtia people making evaluations about them from their present perspective. In one of their stories, they give an explanation why this people moved under the ground.

This story is analyzed using William Labov's theory about Basic Elements of Storytelling (Labov, 1997). According this theory every oral narrative has six parts and every parts has is own special question: 1) *Abstract* – What was this about? 2) *Orientation* – Who? When? What? Where? This part gives details of time, persons, place and situation, which let the audience to understand the narrated events. 3) *Complication* - Then what happened? It is the content of the narrative. 4) *Evaluation*– So what? 5) *Result* – What finally happened? It describes the result or resolution to the conflict in the narrative. 6) *Coda of the narrative*, which returns listeners to the present time and moment. It has a formula '*That was it*', which marked the narrative as a point in the past, which is now over. This story is in Nenets language and is performed as a traditional Nenets historical legend.

The main plot of the story gives a popular explanation why Sikhirtia moved under the ground and how subsequently they managed to continue to live among Nenets. It gives an evaluation of the place of Sikhirtia people in the religious system of Nenets Gods and explains about special functions of them there. This example of the autochthonous population' memories showed that their oral narratives managed to keep alive memories about places in a connection to their traditional believes and religion. It proves again that Nenets nomads have a very close relationship with the land and their memories about it are deeply rooted to their historical past.

Reference

Labov, William. (1997). Some Further Steps in Narrative Analysis. In *The Journal of Narrative and Life History*, 7, pp. 395-415.

Номинация берестяной утвари селькупов

Анна Анатольевна Локтионова

Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова

Разнообразие берестяной утвари у селькупов отмечали многие исследователи при описании и изучении их материальной культуры. Также для отражения этнических особенностей селькупской традиционной культуры музейные сотрудники предпочитали пополнять коллекции образцами берестяной посуды, но при этом возникала проблема номинативного определения образцов берестяных предметов.

Для традиционной берестяной утвари селькупов, к сожалению, нет в большинстве случаев общеизвестных определённых названий. Среди местного русскоязычного населения изделия из бересты была известны под многими наименованиями, такими, например, как лукошко, кузов, коробка, туес или туесок, набирка, куженька. Эта терминологическая неопределенность проникла в музейные описания и в работы многих авторов, пользовавшихся как местными русскими названиями, так и селькупскими терминами. В связи с этим, цель данного исследования: выявить, прежде всего, ту номинацию берестяной посуды, которой пользовались сами селькупы – представители различных диалектно-локальных групп данного этноса и, по-возможности, соотнести её с видами берестяных предметов, представленных в различных музейных собраниях. Лексика, номинирующая селькупскую берестяную утварь, уже привлекала внимание исследователей-лингвистов (см., например, Булгакова, 2003), однако эта лексика обычно рассматривалась ими вне контекста реалий бытования материальной культуры селькупов.

Для выявления терминологии были задействованы следующие словари:

1. Купер Ш., Пустаи Я. Селькупский разговорник. Нарымский диалект (1993): *кә"ди / кёди* (набирка), *коромдже"* (лукошко, корзина), *чьйд* (кузов).
2. Ося, Т.2 (1993), в котором содержатся такие слова как: *ketyl'* (туесок), *pata* (туесок), *tal'mi* (1. заспинная котомка из бересты 2. Корыто для юколы).
3. В «Селькупско-русском и русско-селькупском словаре» (1994) были выявлены следующие термины: *кйд* (кузов), *кяду* (набирка), *қоронджэ* (лукошко, корзина), *паджа* (куженька).
4. В словаре Я. Алатало (1998), репрезентирующем кетский диалект, представлены: *кйды* (кузов), *кйдумга* (кузовок), *пачча* (куженька, берестянка), *тāмга* (набирка, берестянка).
5. Больше всего номинаций берестяной посуды содержится в «Селькупско-русском диалектном словаре» (2005). В нём приводятся термины из различных диалектов селькупского языка таких как: васюганский диалект - *пажа* (куженька), *тидэ* (кузов на спину), *чид ~ чидэ* (кузов), *хоромжэ* (лукошко); елогуйский диалект – *туесь* (туес); кетский диалект – *кидэ* (кузов), *патча* (куженька), *пача* (1. куженька 2. сосуд (из бересты под рыбу), *пашкэ* (1. туес 2. чашка), *сенгэдэго* (набирка), *тāмга* (1. лукошко из бересты 2. набирка), *тизи* (1. чашка 2. туес); обской говор Сюсюкум – *кядуго / кедиго* (1. кузов 2. набирка), *кит* (кузов), *қоржэ* (лукошко), *пажа* (куженька), *пожа*

(куженька), *сэнгэдэгэ* (набирка (из бересты, одевается впереди на шею), *солайгоржэ* (лукошко); обской говор Чумылькуп – *кэди* ||(1.набирка 2. коробка 3. кузов), *кид* / *кэди* (кузов), *коромжэ* (лукошко, корзинка), *қорәнжэ* (лукошко), *пажа* / *пожа* (куженька), *тида* (кузов (на спину), *тбска* (табакерка), *чид* / *чидэ* (кузов); обской говор Шёшкун – *кедэ* (1. набирка 2. коробка 3. кузов), *коромжэ* (лукошко, корзинка), *пажа* (куженька); туруханский говор – *патта* (куженька); тымский диалект – *кэди* (1. набирка 2. коробка 3. кузов), *пажа* (куженька), *пача* (1. куженька 2. сосуд (из бересты под рыбу), *чид* ~ *чидэ* (кузов).

Всё терминологическое разнообразие, выявленное в разных диалектах селькупского языка, сведено в таблицу «Номинации берестяной утвари в селькупских диалектах и говорах».

Работая над составлением Каталога «Берестяная утварь южных селькупов» в период с 2008 по 2012 годы, всё известное по музейным собраниям многообразие берестяной утвари селькупов мною было классифицировано по технологическим особенностям изготовления с учётом формы предмета. Выявленная по словарям селькупская номинация предметов вполне соотносится с классифицируемыми образцами берестяной утвари, и каждый образец имеет чёткую терминологическую идентификацию (хотя в номинации на селькупском языке технологические принципы изготовления предмета не были для носителей языка ведущими).

В докладе будут выявлены примеры совпадения и особо отмечены моменты несовпадения данных двух систем классификации, которые будут представлены также в виде таблицы.

Список литературы и источников:

- Алатало Я. *Сўссыгўй эҗипсан. қ этқый қўланни* [Словарь селькупско-русский и русско-селькупский кетского диалекта]. Максимкин Яр – Хельсинки, 1998.
- Булгакова И.В. Лексика, отражающая материальную культуру селькупов: автореф. дис... канд. филол. наук. Томск, 2003.
- Быконя В.В., Ким А.А., Купер Ш.Ц. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Томск, 1994.
- Быконя В.В., Кузнецова Н.Г., Максимова Н.П. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. Томск, 2005.
- ОСЯ – Кузнецова А.И., Казакевич О.А, Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т.2. Тексты. Словарь. М., 1993.
- Купер Ш., Пустаи Я. Селькупский разговорник. Нарымский диалект // *Specimina Sibirica/ Szombathely*, 1993. Т.7.
- Хелимский Е.А. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / Обработка и издание Е. Хелимского // *HSFM Hamburg*, 2007. Bd. 4.
- Хомич Л.В., Ириков С.И., Аюпова Г.Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. Спб., 2002.

Была ли успешной политика перевод на оседлость на Ямале?

Елена Владимировна Лярская

Европейский Университет в Санкт-Петербурге

В первой трети 20 века в Ямальском районе ЯНАО практически все население было кочевым. Затем здесь, как и везде на севере, советская власть долгое время проводила политику перевода на оседлость. Что мы имеем спустя 80 лет? С одной стороны, кочевание в регионе никогда не прекращалось: здесь до сих пор в тундре обитают не только мужчины-оленоводы, но и старики, женщины и дети. С другой стороны, сегодня половина коренного населения района живут оседло и заняты в таких видах деятельности, которые 80 лет назад совершенно отсутствовали. Эти две половины населения не изолированы друг от друга, а связаны между собой большим количеством взаимных связей и обязательств. Особенностью ямальской ситуации является то, что оба эти образа жизни - и кочевой и оседлый - пользуются примерно одинаковым престижем у коренных жителей, и человек в течении жизни может несколько раз переместиться из тундры в поселок и назад. В докладе обсуждаются вопросы о том, как в таких условиях можно оценить результаты политики перевода на оседлость в регионе и какие критерии при этом будут релевантны. Так же в презентации рассматривается специфика протекания седентаризации на Ямале и связанная с ней проблема места коренного населения в современном ямальском сообществе. Доклад основан на опубликованных данных, собранных коллегами, и на собственном полевом материале автора, собранном в ходе ряда экспедиций в регион с 1998 по 2014 год.

The song of a New Selkup shaman in the context of Selkup traditional personal songs of the Rudolf collection: Metrical analysis

Jarkko Niemi
University of Tampere

This presentation sums up some preliminary results of Selkup case in the research project designed for encompassing comparison of indigenous Uralic song structures in western Siberia (Academy of Finland).

Oral traditions of different Selkup Samoyed ethnicities inhabiting numerous tributaries of Ob and Yenisei in western Siberia have, even today, remained one of the the least studied oral traditions in the area. This is partially due to ethnic and linguistic assimilation of the Selkup groups with their neighbours during the 20th century, but also to the remoteness of some local groups.

The case of Selkup oral traditions and their possible ethnically based stylistical identification is a good one to elaborate questions of performative form in cultural expression. If an ephemeral, performed cultural expression can be said to have a stable form, on what area of perception this form is located? In language, content, poetic meter, music, sound, context or all together?

There is one peculiar universal in the north Samoyedic areal of traditional singing style: the six-part metrical code. This code seems to rule Nenets songs from White Sea shores in Archangel region to Siberian taiga, also reaching to Enets and Nganasan songs. However, there seems to be a different code in many songs that are connected with ritual.

More south, the Ob-Ugrian song forms present a wider scale of metrical formations. While short personal songs are often made of steadily recurring four-part structures, the ritual songs present a wider scale of metrical formations. Still, there are some regional differences, reflecting the borderlines between major language or dialect areas.

Where do Selkup song forms fit in in this Uralic areal view? We don't know for sure. The Selkup areas can be roughly divided in three: southern Selkups of the Tomsk region, northern Selkups of the Taz river system and northern Selkups along the Yenisei, which anticipates a wide spectrum of variation in local traditions. However, musical traditions seem to be practically extinct among the southern Selkups, the northern groups still have singers and people remembering their traditions. This far has become evident that there are no traces of North Samoyedic isometrical code in analysed Selkup songs. Their heterometry seems to be more related to poetical forms of the Khanty, but it is far from identical with those either. In many of the songs the meter becomes evident on musical rather than linguistic level.

As the result of my long-term cooperation with Selkupologists of the Moscow University (E. A. Helimski, A. I. Kuznetsova, O. A. Kazakevich), it finally became possible to have at hand materials, that can be in the very focus of solving the puzzle of Selkup meter. After our preliminary analysis of the songs of the legendary Rudolf-collection of Tolkan K. S. Chekurmin's performances, O. A. Kazakevich was even able to record new songs from his brother, G. S. Chekurmin in 2013. Although we thus have evidence from only two performers of characteristically individual and local dialectal area and tradition, understanding the metrical organisation and internal order of songs performed by G. S. Chekurmin, we are closer to the answer than ever before.

Parallelism in Nenets epic poetry

Karina Lukin
University of Helsinki

Although Tundra Nenets epic poetry is probably the best recorded of the Samoyedic poetries, its poetic language has not been very thoroughly studied or described. This paper examines parallelism, its forms and textual contexts in Tundra Nenets epic poetry recorded by M. A. Castrén mainly during his first field excursion among the Nenets.

In the texts concerning the history of studies in parallelism, it is often suggested that there exists a whole tradition of parallelism within Finno-Ugric or Uralic poetries. This paper is not based on the comparative visions of parallelism being a poetic strategy shared by Finno-Ugric or Uralic cultures. Rather, it is an attempt – inspired by Austerlitz’ study on Ob-Ugrian metrics – to describe this poetic device in Nenets epic genre called *syudbabts*.

Although parallelism is not a pervasive feature in Nenets epic poetry, it does not appear only in idiomatic or formulaic expression either, as suggested by some researchers on Nenets poetry. In the paper I will discuss parallelism in Castrén’s material and reflect, if the findings are generalizable to Nenets poetic language.

О распространении этнонима *šöšqip* в среднеобском диалектно-локальном ареале

Наталья Викторовна Сайнакова

Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова, ТГПУ

В докладе будет рассмотрен ареал фиксации этнонима *šöšqip*. Данный этноним был записан разными исследователями у селькупов, которые проживали на Оби между средним (копыловским) устьем Кети и верхним устьем Кети (до Тогура) – в н. п. Иванкино, Киярово – в настоящее время потомки этого населения проживают в пос. Иванкино и г. Колпашево.

Для написания доклада были использованы материалы М.А. Кастрена (1845 г.), у которого впервые был отмечен этот этноним в форме *Schöschkom*, используемый самоедами, проживающими выше Нарыма, а так же публикация А.Ф. Плотникова (1901 г.), полевые материалы Г. И. Пелих (1972, 1981 гг.) и материалы томских лингвистов – А.П. Дульзона (1952 г.), А.И. Кузьминой (1965 г.). Кроме того, впервые будут введены в научный оборот этнонимические материалы томского антрополога В.А. Дрёмова, который работал с населением пос. Иванкино в 1965 г. Им было записано несколько самоназваний у селькупов данной территории.

На основе вышеприведённых работ и полевых материалов была составлена таблица «Распространение этнонима *šöšqip* на Оби», где будут указаны как фамилии информантов, для которых данный этноним был эндоэтнонимом, так и места (населенные пункты) его бытования. В таблице будет максимально учтено разнообразие передачи этого этнонима разными информантами.

Этимология самоназвания *šöšqip* или *šöšqum* была предложена лингвистами В.В. Быконя, А.В. Байдак, Н.П. Максимовой следующая этимология: *-šöš* – «лесной», *-qip/ qum* – «человек», и данная интерпретация термина считается устоявшейся¹. Однако есть и критика данной этимологии – (см.: Хелимский, 2005 г.).

Однако данный вопрос в научной литературе освящён недостаточно. По сути, этноним *šöšqip* рассматривается, как правило, лишь в совокупности с другими селькупскими этнонимами в работах разных авторов. На сегодняшний день нет ни одной публикации, специально посвящённой данному вопросу. В связи с этим важным является как сбор и обобщение всего имеющегося полевого лингвистического и этнографического материала, связанного с этим этнонимом, так и выявление реальных границ ареала его распространения и фамильного состава лиц, принимавших его в качестве своего этнонима.

¹ Н.А. Тучкова, А.В. Байдак, Н.П. Максимова, 2005: 280.

Discourse prominence of PX — some (Taimyrian) thoughts

Florian Siegl
University of Helsinki

Possessive suffixes in Northern Samoyedic have a wide variety of functions whose degree of possessivity decrease. Whereas possessive suffixes are indeed responsible for the encoding of possessor and number of possessum on phrase level, the possessive function of PX in the benefactive is clearly less possessive. The use of possessive suffixes in nominalizations and converbs is even more distant from the concept of semantic possession as PX express a non-canonical subject of a subordinated clause – this is clearly a syntactic function without any clear synchronic relation to phrasal possession. And finally, possessive suffixes for 2nd and occasionally also for 3rd person express referentiality and encode old topics which are reactivated in discourse; for a small number of lexical nouns from the sphere of meteorology, PX.3SG must be considered a dummy possessor. The referential function which is now targeting the organization of discourse is, hard, if not impossible to classify as an instance of phrasal possession. So far, the overall assumption of qualitative studies of PX in Samoyedic are based on the assumption that PX are indeed the prototypical means for the expression of possession. Such studies are, then, concerned with the fine-tuning of the description of the major functions of PX. However, as possession is function but PX are a morphological category, one should expect mismatches from the general form-function vs. function-form approaches whose implications are not trivial. A detailed analysis of the function of PX in discourse reveal, that the assumed possessive function which has given the category its label is far from being prototypical. Tentatively, also a number of extralinguistic factors (genre, context, documenter) seem to play at least some role. What then, should we do with the label PX? Is it therefore still justified to talk about PX or should the label be replaced with something else?

- Chafe, Wallace 1994. *Discourse, consciousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: UCP.
- Enfield, N. J. & Stivers, Tanya 2007. *Person Reference in Interaction: linguistic, cultural and social perspectives*. Cambridge: CUP.
- Givón, Talmy 1995. *Functionalism and Grammar*. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins.
- Halliday, M. A. K & Hasan, Ruqaiya 1976. *Cohesion in English*. English Language Series 9. London: Longman.
- Siegl, Florian 2013. *Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia*. MSFOu 267. Helsinki: SUS.
- 2015. The Non-possessive Use of PX.2P in Nganasan and Dolgan – a Reappraisal. *FUM* 39.
- (in preparation). The Non-possessive Use of PX.2P in Northern Samoyedic (working title). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*
- Seiler, Hansjakob 1983. *Possession as Operational Dimension of Language*. Language Universals Series 2. Tübingen: Gunter-Narr Verlag.
- Stachowski, Marek 1998. An example of Nganasan-Dolgan linguistic contact. *Turkic Languages* 2. 126–129.
- 2010. On the article-like use of the Px2SG in Dolgan, Nganasan and some other languages in an areal Siberian context. *FUM* 32/33. 587-593.
- Хелимский, Е. А. 2000. Прасамодийские серии посесисов и их рефлексy. *Компаративистика, Уралистика – лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры. 45-49.

**“Devils”, “spirits”, “gods” or “inhabitants of heaven”? On the technical terminology for *ηυα*” in
Nganasan world view**

Olle Sundström

Umeå University

One of the most fundamental questions for religious studies and anthropology is the technical (scientific) terms used for beings presumed in different religions or world views. The terminology used by scholars are neither randomly chosen nor wholly without grounding. The terminology applied implies a certain classification by creating a comparison with other beings, for which the same terms are used, in other world views. In addition, the technical terminology used has, at least potentially, its consequences. For example, when early Christian missionaries termed beings in Samoyedic world views *devils*, *demons* or *idols*, these beings were implicitly (or explicitly) classified and understood (from the missionaries’ point of view) as existent, representing evil, and as something imperative for the zealots of the Christian faith to fight against. This type of terminology could legitimize mission and aggression against those putting their faith in these beings. When such beings in later research literature were termed *gods* or *spirits*, the beings were classified together with beings carrying less negative connotations, and hence the negative stance against them and their believers were reduced – at least if the classifier her- or himself held a faith in something he or she would call *gods* or *spirits*. However, when a scholar writing from an atheistic perspective, and living in a social environment hostile to “religion”, terms beings *gods* or *spirits*, these beings are implicitly (or explicitly) classified as non-existent and detrimental for the believers to put their faith in. In some societies – such as the Soviet Union – it has also been imperative to fight against belief in *gods* and *spirits*. When scholars working in such an anti-religious environment avoid conventional terms like *gods* or *spirits* for such beings, one must ask the purpose of such avoidance.

Among Soviet ethnographers of Samoyedic world views the issue of the technical terminology for beings presumed in these worlds views was debated and to some extent developed. Some Soviet scholars tried new terminology to avoid conventional technical terms like *gods* or *spirits* (and *devils*, *demons* or *idols*, for that matter). This was done as a reaction against what they perceived as Christian influenced (“bourgeoisie”) research. In this paper I will show how some Soviet ethnographers (A.A. Popov, B.O. Dolgich, Ju.B. Simchenko and G.N. Gracheva) studying and analyzing the Nganasan world view tried out new technical terms for the Nganasan category *ηυα*. I will also analyze why they chose the terms they chose and how their terminology was related to the Marxist-Leninist brand of animist and evolutionist theory. The purpose of the paper is to contribute to a continued debate in present day research on these matters.

The 5th International Conference on Samoyedology, Helsinki 21.-23.10.2014

In memoriam Yuri Vella

Eva Toulouze

University of Tartu / INALCO, Paris

In this short attempt to recall Yuri Vella's extraordinary person and thought, I shall attempt to show through Liivo Niglas' documentary video clips (in Russian, with or without subtitles), his everyday life and concerns: reindeer herding and relations with oil drillers; his literary activity and his thoughts about language and language use; his religious practice and, if time allows it, his experience in Paris six months before his demise. It will present some insights on different aspects of his personality.

Nenets language ideology: harmful words and vulnerable affections

Laur Vallikivi
University of Tartu

This paper explores the pragmatic functions of the Nenets language as it is used in reindeer herders' camps. The focus will be on certain aspects of Nenets language ideology, or in other words, what Nenets believe that the articulated words can do in the world. Based on long-term ethnographic fieldwork among eastern European Nenets, I shall explore concept of speaking subjects, the role of the non-referential power of words as well as the aspects of intentionality and agency in the context of emergent and ongoing social relations.

I propose to conceptualise Nenets language ideology as tightly related to reindeer herders' understanding of personhood. Words do not refer to one's thoughts and feelings only but also constitute part of personhood as they carry forward a person's qualities. At the same time, words are detachable from the person and can be turned against the person, as in the case of curses, gossip or incautious use of words. I shall demonstrate that once words are spoken out loud, they become partly independent from their originator as a person who has uttered words is no longer their full master.

Nenets attribute to certain words some kind of corporeality as this is the case of harmful words (*vyvku vada*). The latter are containable and deflectable. When somebody releases *vyvku vada*, these carry harming potential. They can be freed from the link with their originator (and thus from the initial 'intention') and given a new direction by a new command or by manipulation of certain substances. In a way, the words become a force independent from their source being recyclable and reversible by others. One can spell out the *vyvku vada*, but not claim final power over them.

Although most of the time agents are seen as sources of their deeds and words, at times they as persons may not control what departs from them, as the person is multiple, relational and extendable rather than a sovereign individual committing only voluntary acts. Among the Nenets, words in some sense seem to play a similar role in the local exchange system as things and animals do.

PROJECT PRESENTATIONS / ПРОЕКТЫ

Digitizing the Dulzon Archive

Andrey Filchenko (ТГПУ) & Florian Siegl (University of Helsinki)

This short overview presents the main tasks of the joint Tomsk-Helsinki project and its current state.

Online Nenets language tools for linguists and language learners

Sven-Erik Soosaar (EKI, Tallinn)

Nenets-Finnish and Finnish-Nenets web dictionaries and online speller are part of the the AKU (Morphological analyzers for minority Finno-Ugrian languages) project, which runs 2013-2014. The dictionaries will contain 20 000 Nenets words with Finnish translations. Also an online open source Tundra Nenets speller is being developed using finite state transducers. Future plans for online learning programs for Nenets will be introduced.

FILM / ФИЛМ

Yuri Vella's world, 58 min, 2003 (English subtitles)

Participants / Участники

Alatalo	Jarmo	University of Helsinki	hs7501_at_gmail.com
Behnke	Anja	Universität Hamburg	anja.behnke_at_uni-hamburg.de
Dozhanskaya	Oksana	АГИИК, Якутск	dobzhanskaya_at_list.ru
Dudeck	Stephan	Arctic Centre, University of Lapland	sdudeck_at_ulapland.fi
Gerland	Doris	Heinrich-Heine-Universität Düsseldorf	gerland_at_phil.uni-duesseldorf.de
Ilyina	Irina	Коми научный центр УрО РАН, Сыктывкар	ilina56_at_mail.ru
Katzschmann	Michael	Universität Göttingen	mkatzsc_at_gwdg.de
Kazakevich	Olga	Lomonosov Moscow State University	kazakevich.olga_at_gmail.com
Khanina	Olesya	-	olesya.khanina_at_gmail.com
Klumpp	Gerson	University of Tartu	klumpp_at_ut.ee
Kovylin	Sergei	Tomsk State Pedagogical University	sergey_at_scalpnet.ru
Laptander	Roza	Visiting researcher, Arctic Center, Groningen	roza_laptander_at_yahoo.com
Loktionova	Anna	Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова	anna624_at_rambler.ru
Liarskaya	Elena	Европейский Университет в Санкт-Петербурге	rica@eu.spb.ru
Lukin	Karina	University of Helsinki	karina.lukin_at_helsinki.fi
Niemi	Jarkko	University of Tampere	jarkko.niemi_at_uta.fi
Sainakova	Natalia	Томский областной краеведческий музей им. М. Б. Шатилова	pushkareva0723_at_rambler.ru
Shluinsky	Andrey	Институт языкознания РАН, Москва	ashl_at_yandex.ru
Siegl	Florian	University of Helsinki	florian.siegl_at_helsinki.fi
Soosaar	Sven-Erik	EKI, Tallinn	svenerik.soosaar_at_gmail.com
Sundström	Olle	Umeå University	olle.sundstrom_at_religion.umu.se
Toulouze	Eva	Tartu University / INALCO Paris	evatoulouze_at_gmail.com
Vallikivi	Laur	University of Tartu	laurvallikivi_at_gmail.com